

Алексей Еранцев — один из признанных на Урале поэтов-шестидесятников. Он вполне представим в ряду с Алексеем Решетовым¹, а если разбираться в специфике письма поэтов следующих поколений, например Юрия Казарина, то и здесь окажутся значимые параллели. По крайней мере, визитной карточкой Казарина стало то, чем Еранцев вынужден был закончить: особое прочувствованное почвенничество, точная яркая метафорика, сдержанная интонация поэта, помнящего о пережитой боли.

Тем не менее за пределами региона Алексея Еранцева знают мало, при том что Евгений Евтушенко включил его стихотворения как в «Строфы века», так и в «Десять веков русской литературы». К примеру, известны лишь две неуральские исследовательские работы последнего времени, посвящённые поэту, обе — авторства тверского профессора-пушкиниста Юрия Никишова². И далее приходится констатировать лакуну, поскольку имя Еранцева может что-либо сказать лишь небольшому количеству ценителей советской оттепельной поэзии, литературоведов и профессиональных литераторов.

Однако если говорить о всесоюзных контекстах, то стоит заметить, что Алексей Еранцев и при жизни не был поэтом, как иные шестидесятники, обласканным славой. В 1971 году его упоминает на страницах «Комсомольской правды» Вадим Кожин (статья «Климат поэзии») в ряду авторов из провинции, которые смогут повлиять на развитие советской поэзии. Пожалуй, это упоми-

---

¹ См.: Никишов Ю. Звезда Алексея Еранцева // *Еранцев А. Избранное*. Курган: Зауралье, 2007. С. 333, 349, 430.

² См.: Никишов Ю. Звезда Алексея Еранцева; Он же. Философская глубина стихотворений Алексея Еранцева // *Studia Humanitatis*. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-glubina-stihotvoreniy-alekseya-erantseva>
См. также сб. «Журавли Алексея Еранцева». Курган, 2012.

вание и выпуск издательством «Советский писатель» сборника «Талица» (1973) стали пиком признания Алексея Еранцева.

Курганский писатель Иван Яган полагает, что преждевременная смерть заморозила дальнейший процесс признания поэта³. Однако, как представляется нам, срок жизни в данном процессе не столь важен: 36-ти лет не всегда, но подчас достаточно как для формирования поэтической личности, так и для принципиального обновления представлений о пределах возможного в поэзии. И вот здесь видится самый нерв разговора об Алексее Еранцеве, поскольку в истории литературы он остаётся поэтом, написавшим некоторое количество (и немалое) достойных стихотворений, классиком уральской советской поэзии, поэтом, чётко вписанным в традиции (как минимум в две: советскую и почвенническую, впрочем, не исключаящих друг друга), но притом не создавшим свой и только свой поэтический мир, свой поэтический язык.

Остаётся стойкое ощущение недопроявленности поэта Алексея Еранцева. Кем бы он стал, доживи хотя бы до 1990-х? Яркой и бескомпромиссной звездой почвенничества, как Юрий Кузнецов? Тихим и тонким лириком, мастером лирико-философской миниатюры, как Алексей Решетов? Кем-то иным, к кому не применим ни один сравнительный союз?

Очевидно лишь, что Алексей Еранцев принципиально не шёл на разрывы, ему претила любая социальная и художественная маргинальность (а ведь именно маргинальность становилась почвой для формирования крупных поэтов второй половины XX века). У Еранцева благополучная биография советского писателя. В 1961 году он оканчивает Уральский государственный университет и работает в газете «Советское Зауралье». Затем вступает в партию. Публикует стихи в журналах «Смена», «Октябрь», «Наш современник». В 1966 году его, молодого автора сборников «Вступление» (1963) и «Ночные поезда» (1965), принимают в Союз писателей. Биография дополняется и картиной мира, где нет места какой-либо метафизике, — только суровый реализм жизненного опыта советского человека. При том что советскость, которую мы столько раз уже упомянули, вовсе не ограничивала

---

³ Яган И. Многоликая и самобытная (Заметки о литературе Зауралья). Курган, 2007. Цит. по: Еранцев Алексей. URL: <http://kultura.kurganobl.ru/3578.html>

поэтическое сознание Еранцева, хотя, без сомнения, была одной из его весомых составляющих.

Говоря о творчестве Алексея Еранцева, Юрий Никишов отмечает, что оно довольно целостно и не делится на периоды: «Поэт на удивление сразу нашёл свой язык»⁴. Тем не менее дальнейший анализ сборников, предпринятый исследователем, последовательно опровергает это утверждение: курганский поэт развивался и менялся. Можно выделить два периода творчества Еранцева, связанных с его соотносённостью с поэтическими традициями: советский (примерно 1959–1965 годы, сборники «Вступление» и «Ночные поезда») и почвеннический (1966–1972 годы, «Кумачовые журавли», «Глубокие травы», посмертная «Талица»).

Первые два сборника стихотворений создавались на оттепельной волне, с её идеалами и разочарованиями.

*В календарях не видно такого,
Зато бывают в судьбах времена,
Когда на десять зим, как бой суровых,
Приходится всего одна весна*⁵.

Другое политическое высказывание — стихотворение «Память» — тоже очевидным образом оттепельное. Оно постулирует возвращение к ленинским идеалам общества, пересмотревшего практики тоталитаризма, но не решающегося отказаться от идеи построения социализма. Образ Ленина, с «прицельным и лучистым прищуром», готовый войти «в зовущие сердца»⁶, создан — что очень заметно — с молодой искренностью, как бы дышащей «живое биение жизни» (Вячеслав Веселов) в клише советской ленинианы.

Оба стихотворения обозначают неразрывную связь курганского поэта с традициями комсомольской поэзии 1920–1930-х годов и с поэзией оттепельного времени в целом, а также с устойчивой советской системой образов, клише, художественных приёмов. Что характерно, Еранцев не идёт по пути новаций, которыми отмечено, например, творчество эстрадников, со всеми их «Лонжюмо», «Братской ГЭС», «Письмом в тридцатый век» (если

⁴ Никишов Ю. Звезда Алексея Еранцева. С. 315.

⁵ Еранцев А. Вступление. Стихи. Курган: Советское Зауралье, 1963. С. 7.

⁶ Там же. С. 10–11.

вспоминать ту же лениниану), но пытается говорить на сложившемся поэтическом языке, привнеся в советскую поэзию лишь молодую искренность. Для эпохи это уже немало. В конце концов, того же Евгения Евтушенко широко популярным и любимым сделало манифестированное желание говорить искренно, и только потом — мастерские аранжировки этой искренности.

В этом отношении важен лирический субъект раннего Еранцева. Молодой, открытый миру, верящий в обновление страны, готовый идти по всем дорогам вместе с такими же молодыми, как он, субъект, конечно, для своего времени типичен. Он неизменно почитает старших («Память»), но готов восхищаться своими ровесниками, взявшими на себя ответственность на каком-либо участке работы («Начальник»). Его привлекают молодёжные стройки, освоение целины и романтика дорог, которую ценители мира советского человека 1960-х Пётр Вайль и Александр Генис связали с «дорогой никуда»⁷, хотя за перемещениями молодёжи по стране стояла в том числе и производственная прагматика. Для Еранцева имеет значение и сама идея судьбы как дороги, подчас тяжёлой, но ведущей только к лучшему — см. поэму «Дороги» о девушке, выбравшей вместо поступления в институт жизнь черноработного в Кургане.

При этом Еранцева не покидает ощущение общности поколения, осознание его миссии:

*Мы поднимались, как солдаты,
Сгоняли сон водой с ледком.
Калач, подмокший и щербатый,
Мы запивали кипятком.
Мы глохли в грохоте моторном.
И задыхались в злой пыли,
И нянчили в ладонях зёрна,
И жить без шуток не могли...⁸*

Собственно, в этой зарисовке, столь характерной для советской производственной литературы (вспомните, сколь мучитель-

---

⁷ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 2-е, испр. — М.: Новое литературное обозрение, 1998. — 368 с. С. 126-141.

⁸ Еранцев А. Вступление. С. 16.

но и напряжённо строила комсомолия Боярку в романе «Как закалялась сталь»), только способность шутить является знаком нового времени, нового поколения, обновлённой поэзии.

Лирический субъект раннего Алексея Еранцева довольно целостен. Он находится в гармонии как с природным миром, так и социумом. Старики? Работа омолаживает («Скульптор») — в производственной литературе утверждение нередкое и отнюдь не издательское, воспринятое Еранцевым, как и многое другое, очень искренне. Люди рабочих профессий? Достойны уважения и поэтичны («Доярка», «Кондукторша» и др.). Ветераны? Безусловные герои, образцы для подражания («Учитель»). И только деятели рынка вызывают сатирическую усмешку поэта («Барахолка») — советская антимеритократическая риторика.

Внутренняя гармония говорящего субъекта, в какой-то своей части наследующая пушкинской (пушкинский канон в советской поэзии), вовсе не бездумна и безоблачна. Военное детство, нелёгкая женская доля, трудности на работе и в быту, наконец, неприкрытое горе — лирические зарисовки поэта полны скрытого и явного драматизма. Драматичным может быть даже пейзаж, как в стихотворении «Озимки»:

*А яблони, поверившие в лето,
Ещё не разгадавшие беду,
Губами лепестковыми, как дети,
Седые хлопья ловят на лету⁹.*

Предельная открытость жизни и осознание её драматизма, наверное, и есть самое ценное в ранней поэзии Еранцева, не очень самостоятельной, но принципиально обращённой к глубинам сознания, к человеческой душе.

С чем можно согласиться, так с утверждением, что у Еранцева довольно рано сложился набор художественных приёмов, которым он не изменял на протяжении всего творчества. Сюда относятся нарративизация поэтического текста, осознанная работа с сюжетом, склонность к обобщениям и символизации, использование потенциала сравнений и метафор. Поэтические образы Еранцева конкретны и осязаемы. И чем дальше, тем ярче тропы, острее сюжеты, очевиднее талант поэта.

---

⁹ Там же. С. 33.

*Там, на задворках, посреди
Подсолнечного гвалта,
Стучит у кузницы в груди
Тяжёлая кувалда.
Плуги куёт, подковы гнёт.
И там, в угаре плотном,
Всё дышит, дышит огонёк
Одним дырявым лёгким¹⁰.*

К концу 1960-х идеалы оттепели остались позади, наступило время новых ценностей. В литературе всё зримее заявляли о себе писатели-деревенщики с их консервативной идеологией¹¹ и традиционалистской картиной мира, где особое место занимали дом, деревня, родина. «На себе вспахал бы поле. / Хлеб посеял, дров запас, / Чтобы вспомнить и запомнить, / Как Россия началась», — писал Алексей Еранцев¹², словно бы оказавшийся за пределами советской утопии и обратившийся к опыту русской классики, особенно Есенина. Прочитированное стихотворение «За холмом, в зелёной пади...» не случайно помещено между выдержанными в духе советской идеологии «Думой» и «Флагом», открывшими сборник 1967 года «Кумачовые журавли». Советская риторика вновь, как это было, например, в 1930-е, использовала национальные идентичности и коды. Однако возвращаемое почвенничество, а иногда, как в случае Солженицына, растущее наперекор системе власти, в позднесоветское время освобождало писателя от многого. Неслучайно курганский поэт определяет в качестве родины Россию, отнюдь не СССР.

И вот здесь, как мне представляется, у Алексея Еранцева была возможность разрыва с советской традицией и пути, схожего, например, с путём Леонида Губанова: вон — за флажки, к предельной самобытности, к апофеозу индивидуального. «В стихах Еранцева появились напряжённые, драматические интонации, горечь, надсад...»¹³, — точно подмечает Вячеслав Веселов. И...

---

¹⁰ Еранцев А. Глубокие травы. Стихи, поэма. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. С. 10.

¹¹ См., например: Разуvalова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛЮ, 2015.

¹² Еранцев А. Кумачовые журавли. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. С. 5.

¹³ Веселов В. Живое биение жизни // Еранцев А. Н. Звезда в траве: кн. стихов. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 5.

разрыва не происходит. «Похожую эволюцию претерпело творчество его сверстников, талантливых, рано сгоревших поэтов Алексея Прасолова, Николая Рубцова...»¹⁴ Еранцеву претит всяческая оппозиционность, он выбирает конформный путь ускользания от официоза, постепенно освобождаясь от риторики газеты, от молодёжного и поколенческого мессиджа, от всего того, что не укладывалось в его гуманистическую концепцию «добрый человек живёт на доброй земле».¹⁵

Человек и природа — поэтическая тема зрелого Алексея Еранцева. Тема, позволяющая сказать больше, чем разрешалось советским писателям, тем более в регионах. Тема, разумеется, во многом почвенническая. Что ж удивляться, что центральным образом в художественном мире Еранцева становится земля, почва?

*Пусть сердце простукает землю,
Прослушает душу земля*¹⁶.

Образ почвы традиционно — мифологический и символический. Мера земли — это мера души. Человек поверяется отношением к земле. Самым страшным его преступлением становится отказ от земли, её продажа, предательство (см. поэму «Горсть земли», в другом варианте — «Голодный остров»).

В системе координат Еранцева человек на земле — это человек, живущий в деревне, осознающий свою связь с почвой и родом. Известно, что поэт сам купил дом в деревне и устроил во дворе настоящий крестьянский очаг¹⁷.

*По пояс в счастье, по колено в горе,
Я помню рошу на краю села:
Наверно, от берёзового корня
Любовь моя земная проросла*¹⁸.

---

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Никишов Ю. Звезда Алексея Еранцева. С. 328.

¹⁶ Еранцев А. Кумачовые журавли. С. 74.

¹⁷ Веселов В. Поэзия родного дома. Художник и поэт на фоне города // Каменный пояс: альманах. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1980. С. 237–248.

¹⁸ Еранцев А. Лирика. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1974. С. 7.

Судьба деревни — непростая, полная радостей и горестей. Но деревня — это ещё и особое мироустройство, с сильными родовыми традициями, с не переменным патернализмом, впрочем, не отменяющим почитание женщины-матери («Мать», поэма «Горсть земли»), и с возможно неявной, но отнюдь не выкорчеванной религиозностью. «Зелёные купола» — называется один из разделов книги «Кумачовые журавли». «Храм» и «Святой» — называются стихотворения из этой же книги, в которых и говорится о том, что, собственно, и заявлено в названии, разве что храм не совсем тот — рукотворный. «Пророк» — целая поэма, оставшаяся в рукописях вплоть до 2007 года.

Разумеется, в зрелой поэзии Еранцева затрагиваемых тем гораздо больше, чем здесь обозначено. У него есть стихи об Урале, о Ермаке, о Кургане, о голодном детстве, о поездке на море, есть проникновенная любовная лирика. Всё есть. Но принципиальнее для поэта изображение очень частного самодостаточного мира, находящегося вдалеке от крупных городов. Вдалеке от официоза, вдалеке от актуальной политики, вдалеке от литературной жизни.

К концу 1960-х в стихах Еранцева усиливается притчевое начало, всё более задействованы иносказательность и фольклор. Но эволюция — не революция. Еранцев остаётся верен самому себе, выросшему в пространстве утопии и говорящему на её языке.

*На тропах, нехоженных, вешних,
На тайной поляне лесной
Пьёт жёлтым бокалом подснежник
Весенний медовый настой.
В нём дождика светлая ноша,
В нём шёпот травы-муравы.
И солнцем на тоненькой ножке
Считают его муравьи¹⁹.*

---

¹⁹ Еранцев А. Кумачовые журавли. С. 61.